
pocket**book**

rocket**book**

ВЕЛЕСОВА КНИГА

Славянские Веды

МОСКВА
2017

УДК 299.18
ББК 86.3
В27

Составление, перевод, предисловие, комментарии,
статьи *Д.М. Дудко*

Оформление серии *А. Саукова*

В оформлении обложки использована
иллюстрация «Райская птица Алконост» (1905)
художника *Ивана Билибина* (1876—1942)

Велесова книга. Славянские Веды. — Мо-
сква : Издательство «Э», 2017. — 384 с.

ISBN 978-5-699-97804-5

Славяне – древняя многоликая семья народов, которая по праву гордится своей историей. Жаль только, что всем известные удаль и размах загадочной славянской души не располагали наших предков к нудным и кропотливым занятиям, требующим терпения и усидчивости. Непоправимо мало сохранилось свидетельств о том, как они жили в далекие, былинные времена. Каким виделся им мир, во что они верили, чему поклонялись. Тем ценнее для нас знаменитая «Велесова книга», повествующая о «преданьях старины глубокой». Как в случае со «Словом о полку Игореве», подлинность этой книги не раз подвергали сомнениям, вызывая не менее яростные отповеди со стороны ее защитников. Однако оставим споры ученым. Читать о своих корнях куда интереснее, чем отстаивать свою научную позицию. Велес их разберет, что там было на самом деле, но одно можно утверждать точно: «Велесова книга» – отличный подарок тем, для кого слова «Русь» и «Россия» и ныне полны глубокого смысла.

УДК 299.18
ББК 86.3

© Составление, перевод, предисловие,
комментарии, статьи. Издательство «Око», 2017
ISBN 978-5-699-97804-5 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

СКРИЖАЛИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫЧНИКОВ

Шел грозный 1919 год. На просторах России бушевала Гражданская война. Одни в темноте и озлоблении крушили все, связанное с ненавистными барамми. Другие (в обоих лагерях) старались спасти для потомства бесценное наследие предков.

Одним из таких защитников вечности был полковник Добровольческой армии Федор Артурович Изенбек — внук кокандского бека и сын российского офицера, художник и археолог, человек русской культуры.

Однажды полковник вошел в разгромленную крестьянами старинную усадьбу. И вдруг заметил разбросанные на полу березовые дощечки — ветхие, потемневшие, покоробившиеся от сырости, зачастую растоптанные ногами, обожженные. Под слоем лака, местами сошедшим, их покрывали загадочные письмена. Буквы, похожие на славянские (кириллические), были как в индийском письме, словно подвешены к горизонтальным линиям. Изенбек тут же приказал своему вестовому Игнатию Кошелеву собрать в морской мешок все дощечки и даже их обломки. Когда в сентябре 1920 г. полковник покидал Крым, именно Кошелев в последний момент перебрал ему с берега на корабль этот мешок.

Впоследствии Изенбек не мог в точности вспомнить ни местонахождения усадьбы (где-то на Орловском или Курском направлении), ни имени владельцев (Донские или Задонские), но о своей находке не забывал нигде. Ни в Средней Азии, где вернувшийся в ислам Али Азенбек воевал за эмира бухарского и Джунаид-хана хивинского. Ни в эмигрантских странствиях, приведших полковника в Брюссель, где он зарабатывал на жизнь, расписывая ткани. Во всех опасностях и мытарствах его сопровождал мешок с загадочными дощечками. Мало кому доверял Федор-Али их тайну, словно предчувствуя: темные силы могут уничтожить деревянную книгу или использовать ее в грязных политических целях.

Изенбек подружился с таким же белоэмигрантом Юрием Петровичем Миролюбовым. Тот писал поэму о князе Святославе и тщетно пытался найти образцы древнерусской речи языческих времен. После трех лет знакомства полковник решил наконец показать ему дощечки. И Миролюбов буквально заболел ими. Долгие годы разбирал он и переписывал текст, все более убеждаясь: перед ним — творение языческого волхва IX века, страстно звавшего соплеменников защитить Русь от варягов и греков, воспевавшего великое прошлое славян — русов.

Этот подвижнический труд прервала лишь женитьба Миролюбова (1936 г.). К тому времени он скопировал около 75 % текста. А вскоре Бельгию оккупировали гитлеровцы. 13 августа 1941 г. Изенбек умер, завещав свое имущество Миролюбову. Но дощечки исчезли: их изъяло гестапо. Рукописные копии да несколько фотографий — вот и все, что осталось от них. Опасаясь прослыть фальсификатором, Миро-

любов лишь в 1948 г. решился сообщить о дощечках Русскому музею (Музею русской культуры) в Сан-Франциско. Еще через пять лет ими заинтересовался секретарь этого музея Александр Куренков (псевдоним — А. Кур) — белый генерал, историк-любитель и издатель журнала «Жар-птица».

...Так, по крайней мере, изложил эту историю сам Ю. П. Миролюбов в письме в редакцию «Жар-птицы» от 26 сентября 1953 г. Позднейшие исследователи дополнили ее существенными деталями. Так, таинственную усадьбу удалось отождествить с усадьбой Донец-Захаржевских (позже Задонских) в Великом Бурлуке на Харьковщине. Оказалось также, что Изенбек в 1923 г. показывал дощечки русским историкам-эмигрантам в Белграде. Значит, по крайней мере, сами дощечки не выдуманы Миролюбовым. А изъехала их, судя по всему, эсэсовская команда «Аненэрбе» («Наследие предков»), рыскавшая по Европе и Азии в поисках древних тайн, дабы использовать для нацистской пропаганды и черной магии. В 1945 г. ее архивы попали в руки Красной армии и были вывезены в Москву. Там, в Архиве историко-документальных коллекций в Химках, быть может, и донныне хранятся если не сами дощечки, то хотя бы копии с них.

Обо всем этом Миролюбов (переехавший в 1954 г. в Калифорнию) и Куренков не знали. С 1957 г. они начали публиковать в «Жар-птице» текст дощечек. Но в 1959 г. журнал (и так выходивший мизерным тиражом в 100 экз.) прекратил существование. Почти половина текста осталась не опубликованной. Однако дощечками заинтересовался и стал их популяризировать в своих работах историк-любитель С. Я. Парамонов (псевдоним — С. Лесной).

Лесной-Парамонов — биолог, в 1941 г. руководил Зоологическим музеем АН УССР. Он сумел спасти от разграбления коллекции музея, вывезенные оккупантами в Германию, но оказался в концлагере и был освобожден войсками союзников. По политическим мотивам ученый остался на Западе (в Австралии). Но при всех расхождениях с Советами он сохранял искреннюю любовь к России. Лесного тревожило и возмущало перерастание на Западе антисоветизма в откровенную русофобию.

В 1959 г. он послал советским ученым фотокопию одной из дощечек. Ответ (за подписью филолога и палеографа Л. П. Жуковской), опубликованный в «Вопросах языкознания» (1960, № 2), был корректен, но суров. Фото сделано не с самой дощечки, но с рисовки. Язык изобилует ошибками, невозможными в IX в. Дощечки, скорее всего, изделие А. И. Сулакадзева (1771–1830), коллекционера, известного своими подделками древнерусских рукописей. Действительно, в «книгореке» (каталоге) его коллекции фигурируют три книги, вырезанные на досках, в частности:

«Патриарси»*. Вся вырезана на буковых досках числом 45 и довольно мелко: Яшпа Гана смерда в Ладоге IX века, переселенцах варяжских и жрецах и писменах, в Моравию увезены». «О Китоврасе, басни

* Сулакадзев давал своим подделкам (выполненным или задуманным) названия славянских «отреченных» (запрещенных церковью) книг. Последние, однако, представляли собой не дохристианские славянские памятники, а переводные византийские апокрифы и гадательные книги. К этому кругу принадлежат, в частности, ветхозаветные апокрифы «Заветы 12 патриархов» («Патриарси») и «Сказание о Соломоне и Китоврасе».

и кощюны. На буковых досках вырезано и связано кольцами железными, числом 143 доски, V века на славенском». (Заметим также, что авторство Сулакадзева предполагал и историк А. В. Соловьев, которому Изенбек показывал дощечки в 1923 г.)

Такой приговор, однако, не обескуражил Лесного. В 1963 г. он докладывал о дощечках V Международному съезду славистов, а в 1966 г. выпустил в Канаде небольшую монографию (где поместил и тексты нескольких еще не опубликованных дощечек). Именно с его легкой руки находка Изенбека получила название «Влесовой (Велесовой) книги». Повод к этому дала фраза из дощечки 16а «Влес кнiгу сiу птщемо бгу ншему...» (Влес-книгу эту посвящаем богу нашему), где «Влес-книга» можно понимать как название самого сочинения, посвященного Влесу (Волосу) — богу мудрости, магии и поэзии, а также земледелия, скотоводства, торговли.

В 1967 г. С. Лесной умер. Но эстафету изучения книги вскоре переняла украинская диаспора. Горячим сторонником подлинности памятника стал Владимир Шаян — санскритолог, славист и основатель украинского неоязычества. В 1970 г. в альманахе «Календар канадiйського фaрмера» был опубликован украинский перевод А. Кирпича. Наконец, издатель Николай Федорович Скрышник из Гааги взялся за полную публикацию текста. Миролюбов, старый и больной артритом, решил теперь перебраться в Европу. Смерть настигла его 6 октября 1970 г. на борту корабля посреди Атлантики.

Вдова писателя Жанна Миролюбова, «маленькая Галичка», поселившись в Аахене (ФРГ), остаток дней посвятила сохранению его архива и публикации про-

изведений. В этом архиве она вместе со Скрыпником обнаружила тексты (машинописные и рукописные) многих еще не опубликованных дощечек. Тексты, переданные Миролюбовым Музеем русской культуры, как оказалось, туда не поступили. Ж. Миролюбова снова поехала в Калифорнию и там вместе с дочерью Куренкова Любой обнаружила в архиве генерала машинописные тексты, с которых осуществлялась публикация в «Жар-птице». Рукописные же копии, снятые непосредственно с дощечек, не найдены и поныне. (С ними работал, помимо самого Миролюбова и Куренкова, священник и историк С. Ляшевский. Снятая им копия сохранилась.)

При сличении архивных материалов с журнальной публикацией, однако, выявились вещи, мягко говоря, странные и необъяснимые обычной редакционной правкой. Не только одни слова заменялись совсем иными, но целые фразы и отрывки выбрасывались и заменялись указаниями: «текст попорчен (разрушен, сколот)», «начало линии съедено червем» и т. д.

От вполне исправного текста части дощечки 5 после таких операций «уцелели» лишь четыре «осколка».

Кто же дурачил читателей: Куренков, Миролюбов или оба вместе? Если это генерал уродовал текст, дабы сделать его более «древним» и «загадочным», то почему Миролюбов годами терпел такое и никому о том не обмолвился?

Еще большие странности обнаружили в книге Миролюбова «Ригведа и язычество», написанной в 1952 г. и опубликованной лишь посмертно. Здесь он почти дословно цитирует «Велесову книгу», но... о ней самой не говорит ни слова. А вместо дощечек ссылается на неких деревенских стариков, с которы-

ми говорил в детстве и юности на юге Украины. Даже о древнем письме, в котором буквы подвешивались к строкам, он якобы слышал от «старого деда» на хуторе севернее Екатеринослава.

И все же Скрыпник в 1972 г. честно опубликовал все найденные им тексты (включая изданные ранее Куренковым и Лесным). Таким сложным оказался путь к читателю загадочной деревянной книги. А в фальсификации ее теперь обвиняли уже не Сулакадзева, а самого Миролюбова.

В 60–80-х гг. на Западе «Велесову книгу» изучали только историки-эмигранты, преимущественно любители: Куренков, Лесной, С. Ляшевский, В. Шаян, Б. А. Ребиндер (Франция), В. Качур (США), П. Соколов (Австралия), В. Штепа (Швеция) и некоторые другие. Особенным энтузиазмом и бескорыстием отличался Борис Александрович Ребиндер. Именно он установил место находки дощечек — усадьбу своих родственников Задонских. Он же за свой счет издавал и присылал советским историкам материалы по «Велесовой книге».

В СССР «Велесова книга» получила широкую известность после появления в 1976 г. в «Неделе» (№ 18) статьи историка В. Скурлатова и юриста Н. Николаева. Долгое время отрывки из книги и выступления в ее защиту появлялись лишь на страницах популярных журналов и газет («Техника — молодежи», «В мире книг», «Литературная Россия» и др.). Принадлежали эти выступления зачастую неспециалистам (поэт Игорь Кобзев и др.). Крупные же историки (В. И. Буганов), археологи (Б. А. Рыбаков, А. Л. Монгайт), филологи (Ф. А. Филин, О. В. Творогов) единодушно считали книгу подделкой Миролюбова (возможно, также Сулакадзева).

Причина здесь не только и не столько в политических факторах, сколько в обычной неприязни ученых-профессионалов к дилетантам типа Миролюбова и Лесного. Неприязни зачастую справедливой: любители, не имея достаточных знаний и навыков для исторических исследований, изредка совершают важные открытия (как Шлиман), гораздо же чаще лишь сеют невежественные и ошибочные представления о прошлом. В итоге полный текст «Велесовой книги» оставался недоступным широкому читателю: ее зарубежные публикации имелись лишь в крупных столичных библиотеках. Создавалось впечатление, будто ученые «злонамеренно» скрывают ценный памятник.

Перелом наступил в 1990 г. В академических «Трудах Отдела древнерусской литературы» (т. 43) профессор ИРЛИ РАН О. В. Творогов издал «Велесову книгу» по всем правилам научных публикаций (с указанием разночтений и т. д.). Это издание и поныне остается наиболее полным и совершенным (в него не вошла лишь фотография обратной стороны д. 16, опубликованная только в 1983 г. В. Штепой). Саму книгу, однако, ученый оценил резко отрицательно — как безграмотную и бездарную подделку Миролюбова, задуманную и изготовленную после 1952 г. (хотя в 1923 г. дощечки уже видели специалисты, а в 1948 г. Миролюбов сообщал о находке). И это были не тенденциозные нападки на «белоэмигрантскую фальшивку», а научно обоснованное заключение, содержащее все серьезные аргументы против подлинности памятника.

В том же году журнал «Київ» издал украинский перевод книги (весьма неполный) с предисловием филолога О. И. Белодеда и историка В. Киркевича. Так книга вышла наконец к массовому читателю.

В 90-е годы в защиту «Велесовой книги» стали выступать и солидные ученые-профессионалы: доктор филологических наук, академик Ю. К. Бегунов (Москва), профессор-филолог Б. И. Яценко (Киев), профессор Миланского и Белградского университетов, сотрудник Института раннеславянских исследований в Лондоне Радивой Пешич, профессор, доктор филологических наук Радомил Мироевич. За подлинность ее высказался ученый совет Международного Славянского института им. Г. Р. Державина. Международный симпозиум «Разрушение и ренессанс славянской цивилизации» (Лондон, 1992 г.) признал «Велесову книгу» важным звеном системы общеславянских ценностей. На кафедре славянской филологии Латвийского государственного университета с 1996 г. защищаются работы по ней.

Издаются переводы «Велесовой книги», сделанные филологами-профессионалами. Таковы переводы ее на русский язык Н. В. Слатина (Омск, 2000), на украинский — Б. И. Яценко (Киев, 1994), на сербохорватский — Р. Пешича (Белград, 1997). Менее профессиональны русские переводы А. И. Асова (Москва, 1992–2001) и Г. Карпухина («Сибирские огни», 1995, № 1–5). Английский перевод В. Качура вышел еще в 1975 г. в Коламбусе (США).

Популярные очерки о «Велесовой книге» принадлежат, в частности, киевлянам — историку М. Ф. Слабошпицкому и писателю В. Шевчуку. Небольшую, но ценную и насыщенную материалом работу «Быль Велесовой книги» выпустил в Харькове в 1998 г. филолог В. В. Цыбулькин.

Надо, впрочем, заметить, что ученые — тоже люди и руководствуются порой не только разумом, но

и эмоциями. Занимаясь «сенсационными» темами, профессионалы порой становятся удивительно непрофессиональными: резко и нелогично отвергают все подряд или, наоборот, наивно защищают любимшееся «чудо». Влияют на позицию ученых и их национальные симпатии. Так, Б. И. Яценко ухитрился дважды найти в «Велесовой книге» укров — славянское племя, которое ныне модно отождествлять с украинцами (хотя обитало оно в низовьях Одера).

Неоднозначную роль в судьбе «Велесовой книги» играют публикации историка-любителя Александра Игоревича Асова (языческий псевдоним — Бус Кресень). Его художественные реконструкции славянских языческих мифов («Русские веды» и «Звездная книга Коляды») спорны в научном отношении, но ярки и талантливы в литературном. Его книги и статьи по истории и мифологии славян пользуются большой популярностью. За девять лет вышло 9 его переводов «Велесовой книги» (не считая одного «пиратского» издания). Не случайно именно ему доверила Ж. Миролюбова копии многих материалов, связанных с этим памятником.

К сожалению, Асов плохо контролирует свое богатое воображение, что сказывается и на его переводах. Оригинал он воспроизводит не кириллицей (как в дошедших до нас текстах Миролюбова), а «влесовицей», хотя единственные ее образцы — две фотокопии д. 16. Текст расчленяет и перетасовывает в хронологическом порядке (путая номера дощечек), что облегчает восприятие, но невольно искажает представление о памятнике. Свои переводы то и дело перерабатывает, сопровождая новый перевод указанием, что предыдущие никуда не годятся. При этом в книгу «вчи-

тываются» все новые персонажи: Арджуна, Аттила, папа Лев I и т. д. В результате, по словам неоязычника Велимира (Н. Н. Сперанского), «Влесова книга», введенная Миролюбовым, и современная «Влесова книга», созданная Бусом Кресенем, — различные произведения, написанные на одну тему». Ко всему еще Асов горячо стремится реабилитировать не только «Велесову книгу», но и явные подделки: «Боянов гимн» и другие «творения» Сулакадзева, «прилвицких идолов» (сфабрикованных в XVIII в.).

Александр Игоревич, безусловно, очень много делает для популяризации «Велесовой книги» и славянского язычества в целом. Однако представление о том и другом у массового читателя в итоге создается далеко не адекватное.

Множество работ о «Велесовой книге», вышедших в 90-е годы, принадлежит неспециалистам, преимущественно русским и украинским неоязычникам и националистам. Работы эти зачастую тенденциозны, ненаучны и способны лишь дискредитировать важную тему. Г. С. Гриневич, например, читает по-славянски древние письма от Хараппы до Фестского диска. «Санскритовед» В. Ф. Гусев «переводит» книгу на какую-то дикую смесь индийского со славянским. В. Мочалов и И. Данилова всячески сближают «Велесову книгу» с современным кришнаизмом. Некий неоязычник видит в Триглаве Антихриста — «бога нашего, русского» и т. д. Впрочем, и дилетантские работы порой помогают взглянуть на проблему в неожиданном ракурсе, найти новые аналогии.

А пока ученые спорят о «Велесовой книге», она живет своей жизнью. Ее переводят не только филологи, но и поэты, русские и украинские (Игорь Коб-